

ВИЗИТ

«Вне плана я на сутки залетел сюда по просьбе Ширака, полдня вчера мы говорили, полдня сегодня, и получилось плодотворно», — так 21 октября Борис Ельцин открыл пресс-конференцию в Елисейском дворце. И хотя «полдня» было некоторым преувеличением — в общей сложности на французской земле президенты Ельцин и Ширак общались от силы три часа (если не считать трехчасового ужина), — свое «большое удовлетворение» от визита российский лидер подчеркивал чуть ли не в каждом слове да и всем своим видом.

Жак Ширак и Борис Ельцин.

Ельцин отнесся к ядерным взрывам Франции «с пониманием»

Во время визита в Париж президента не покидала подчеркнуто благодушная улыбка. Ельцин то и дело пытался шутить и демонстрировать свою раскрепощенность, особенно во время прогулки с президентом Шираком по замку Рамбуйе, куда он прилетел на вертолете прямо из Орли. Когда Ширак, стоя с супругами Ельциными у пруда с белоснежными лебедями и утками, принялся рассказывать истории замка, служившего местом отдыха французских королей во время охоты, Ельцин живо среагировал и стал изображать, как, должно быть, эти короли прицеливались в дичь... Утки вспорхнули. После ужина гости остались в замке, и наутро российский президент особо поблагодарил Ширака за возможность «отличного ночного отдыха».

Министр иностранных дел Андрей Козырев предпочел ближе к полуночи прогуляться по площади Согласия. Нетрудно догадаться, что, в отличие от Ельцина, улыбки на его лице заметно не было. Даже когда стало известно, что Ельцин «пока оставляет министра на своем месте», Козырев признался, что чувствует себя от этого ничуть не лучше, чем накануне, когда узнал о своей отставке как о деле решенном, и добавил, что президент порой подпадает под влияние «темных сил». В итоге французская пресса писала больше не о визите, а пыталась разгадать ребус: все-таки отставлен российский министр или нет. Из неофициальных бесед становится ясно лишь, что, «хотя не стоит рассматривать фигуру Козырева как обреченную, серьезные замечания к его работе остаются, и прежде всего он виноват в том, что не смог наладить координацию внешнеполитической линии между ведомствами. Вполне возможно, что усиление координации будет означать назначение еще одного заместителя министра (скорее всего первого зама)». При этом люди из окружения Ельцина давали понять, что «всем над запомнить: главным координатором внешней политики является не МИД, а президент... Если министр иностранных дел не в состоянии повлиять на министра обороны, то президент способен это сделать и сделает это».

В отличие от предыдущего официального визита в феврале 1992 года, когда программа пребывания прези-

дента была сверхнасыщенная (от выступления перед промышленниками до бесед с русской эмиграцией), а число сопровождавших впечатляло (Филатов, Гайдар, Авен, Грачев), на сей раз двумя беседами с Шираком дело и ограничилось. Свита была на редкость малочисленна: неизменный первый помощник Виктор Илюшин, неизменный начальник охраны Александр Коржаков, помощник по международным вопросам Дмитрий Рюриков, посол во Франции Юрий Рыжов, начальник ХОЗУ администрации, пресс-секретарь, шеф протокола, министр иностранных дел.

Говорили о Боснии. «У нас совпадают мнения по Боснии», — заявил российский президент. Речь шла о том, что многонациональный воинский контингент там должен быть, включая войска НАТО и войска России (при необходимой координации, но координации не под командованием НАТО, а также с условием, что каждая страна сама финансирует содержание своих войск). «Тут мы договорились», — рассказал Ельцин, — но сейчас опубликовывать лишь наше мнение, без учета мнений Коля, Мэйджора и особенно Билла Клинтона, было бы неэтично». «Мы еще устроим межсуббойчик по этому вопросу, и мы просто обязаны найти компромисс». Борис Ельцин прозрачно намекнул, что неплохо бы Шираку «серьезно поговорить» с Клинтонем на эту тему, равно как и на тему расширения НАТО, где французская позиция, хотя и не совпадает с российской, все-таки далека от оптимизма по поводу приема новых членов.

Говорили, и очень подробно, об архитектуре европейской безопасности в целом. Идея Ельцина (а когда-то идея де Голля) о создании Совета Безопасности Европы пока не получила поддержки Ширака. Чтобы уточнить термины и идеи, создается рабочая группа.

Говорили о том, как лучше осуществить предложение Ельцина, озвученное им в июне в Галифаксе, о проведении в Москве встречи «восьмерки» по проблемам ядерной безопасности. Встреча, видимо, состоится во второй половине апреля, сейчас уточняется ее повестка дня. Россия клонит дело к тому, чтобы обсуждать общие вопросы ядерного нераспространения и безопасности мирной части ядерного

топливного цикла, вынеся за скобки обсуждения все, что связано с безопасностью военного сектора ядерной энергетики. Россия чувствует раздражение от того, что на встрече снова могут быть подняты вопросы утечек ядерных материалов с некоторых российских предприятий.

И наконец, говорили о французских ядерных испытаниях и французской ядерной стратегии. Ельцину была предоставлена «новая информация» о причинах, побудивших Ширака и французских военных пойти на возобновление испытаний. Это объяснение Ельцина удовлетворило. Если еще 8 сентября Ельцин публично называл решение Франции о проведении серии взрывов в Тихом океане «неправильным», то уже накануне визита появились сигналы того, что позиция Москвы может быть смягчена. Теперь Ельцин выразил «понимание» французской позиции. Нельзя исключать и того, что Жак Ширак дал согласие Ельцину сократить число запланированных ядерных испытаний; по крайней мере, речь об этом на переговорах шла. Российский президент, отправляясь в Париж, находился под мощным давлением сторонников проведения Россией в ограниченные сроки серии ядерных испытаний, «исходя из технической необходимости», и Франция служила для ряда руководителей Минобороны образцом независимого и ответственного подхода к безопасности ядерных боеприпасов: по их мнению, не проводя взрывы, обеспечить эту безопасность невозможно. Что точно говорил Ельцин Шираку по поводу ядерных взрывов, неизвестно: эта беседа шла в присутствии только одного переводчика. Ельцин долго думал, как бы сформулировать итог обсуждения этой темы, прежде чем произнес туманное: «Мы нашли такой компромисс, который не ставит Францию в ложное положение».

Достигнув менее чем за сутки по крайней мере двух важных «компромиссов» и не раскрыв их содержание, Ельцин вылетел в Нью-Йорк.

Владимир ОРЛОВ,
спецкор «МН»
Париж